

ТЕМА ПОЭТА И ПОЭЗИИ В ТВОРЧЕСТВЕ ПУШКИНА

Стихотворения Пушкина о поэте и поэзии имеют для любителей искусства двойное значение. Это и автохарактеристика поэтом собственного творчества. Это и представления великого русского поэта о сущности и назначении поэзии. Поэты, творившие после Пушкина, принимали пушкинскую концепцию поэтического искусства или отвергали ее, но в любом случае исходили из нее как основы. Зачем поэты пишут стихи, а читатели их читают? Ответ на этот вопрос всегда обнаруживает, с кем мы – вместе с Пушкиным или против Пушкина.

Легко сказать: «Мы с Пушкиным», - и процитировать одну-две хрестоматийные строчки. С неожиданной трудностью сталкиваются те, кто пытается согласовать отдельные пушкинские высказывания друг с другом. Совместимы ли, например, призыв «Глаголом жги сердца людей» и утверждение, что в своих стихах поэт «милость к падшим призывал»? С кем мы, с тем Пушкиным, который «глаголом» «жжет» сердца людей, или с тем, который своей лирой пробуждает в сердцах «чувства добрые»?

Осмысление явных или мнимых противоречий способствует настоящему глубокому пониманию тех, в позиции которых мы эти противоречия обнаруживаем. Строка из «Пророка» - «Глаголом жги сердца людей» - не вписывается в контекст свободолюбивого пушкинского творчества. Свобода – и своя и чужая – главная ценность для Пушкина. «В мой жестокий век восславил я свободу», - подводя итоги своей поэтической деятельности, скажет Пушкин в стихотворении «Я памятник себе воздвиг нерукотворный». Насилие над человеческими душами огненным словом, какими бы благородными побуждениями оно ни оправдывалось, все равно остается насилием, посягновением на свободную волю заблудших, преступных, падших, но имеющих право заблуждаться и падать, раз уж ни на что другое они свою свободу использовать не умеют. Для пресечения преступных действий в обществе существуют специальные органы. Так Пушкин и говорит в стихотворении «Поэт и толпа»: «Для вашей глупости и злобы / Имели вы до сей поры Бичи, темницы, топоры...». Поэт же решительно отказывается от обязанности, приписываемой ему чернью: «Сердца собратьев исправляй». Поэт не берет на себя функции учителя или воспитателя, обязанных «давать нам смелые уроки». Пушкинский Поэт отказывается от всех целей, которые в глазах прагматиков, ищущих во всем пользы («Тебе бы пользы все...»), могли бы оправдать существование поэзии. Очищать от грязи, сметать сор – «полезный труд», но не имеющий ничего общего с поэтическим «служеньем». Через все творчество Пушкина проходит мысль: «Цель поэзии — поэзия». Отказываясь от частных целей (этических, политических, дидактических), Пушкин тем самым становится в оппозицию как к деспотическому режиму, требующему от поэта «общественного служенья», так и к изменчивому общественному мнению.

Поэту важно дистанцироваться от внешнего давления и преходящих ценностей («Не для житейского волненья, не для корысти, не для битв»). Но

поэту важно преодолеть и себя самого, свой опыт, устоявшиеся привычки и привязанности: по формулировке самого Пушкина — «никакого предрассудка, любимой мысли. Свобода».

Тому, кто обретает внешнюю и внутреннюю свободу, открывается путь к исполнению своего высшего назначения:

Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум.
(«Поэту», 1830)

Итоговая формула Пушкина: «Цель художества есть идеал». Поэзия призвана удовлетворять потребность людей в высших проявлениях человеческого духа. Не потому ли Пушкин стал первым поэтом России, «знаменем нашей культуры», что как никто умел отвечать на эту потребность. Замечательно сказал Д. С. Лихачев: «Пушкин — это гений возвышения, гений, который во всем искал и создавал в своей поэзии наивысшие проявления: в любви, в дружбе, в печали и радости, в военной доблести. Во всем он создал то творческое напряжение, на которое только способна жизнь».

Именно потому Пушкин настаивает на праве поэта быть «как все», праве на обыденность существования: «И меж детей ничтожных мира, / Быть может, всех ничтожней он» («Поэт», 1827). Жить в постоянном творческом напряжении невозможно, и Пушкин не хочет идти против правды, уверяя в своем неизменном пребывании на духовных высотах. Душа и поэта, и читателя имеет право на отдых, на «сон» («Душа вкушает хладный сон»). Но ни творить стихи, ни воспринимать их невозможно в состоянии суеты и малодушия («В заботах суетного света / Он малодушно погружен») — для этого необходима способность и готовность к высокому горению.

Но обратимся к «Пророк», из контекста которого вырвана смутившая нас строка. «Пророк» - стихотворение уникальное, подобного ему не найти во всей русской литературе. И стихотворением называть его не очень точно. Лирическое стихотворение — это выражение чувств, мыслей, настроений, переживаний, состояния человека. Событийность, сюжетность, повествовательность разрушительны для лирики, которая ориентирована на воссоздание эмоций в чистом виде. Лирический текст обнажает то, что происходит внутри человека и отталкивается от того, что происходит с человеком вовне. В «Пророке» библейский накал чувств скрыт во внешне бесстрастном перечислении действий, которые совершает над человеком посланец Бога. Изображается внешняя, событийная сторона, что переживает человек во время производимой над ним «кровавой операции», мы можем только догадываться. Когда описываются нечеловеческие мучения, невыносимые страдания, нет слов, чтобы передать состояние человека. Да и не нужны комментарии, когда говорится: «И сердце трепетное вынул». Боль, превосходящая возможности разумного понимания и сопереживания, может быть воссоздана только так.

Стихотворение уникально и потому, что имеет сюжет, и по тому поэтическому смыслу, который заложен в этом сюжете. «Пророк» - это

лирическое повествование не о пророке, как следует из названия, а о человеке, который становится пророком. Кто может стать пророком? Для того чтобы к тебе явился посланец Бога, требуется, казалось бы, так немного – «духовная жажда», томление от ее отсутствия. Но потребность в духовности должна быть настолько сильна, чтобы духовно изголодавшийся человек оказался в состоянии уйти в «пустыню мрачную», свободную от земных привязанностей, отношений, привычек, удобств, благ. Именно тогда, уйдя от земных материй, но не обретя еще реалий духа, «на перепутье» человек делает свой окончательный выбор, встречая «шестикрылого серафима».

В чем смысл действий божественного посланца? Он способствует полному перерождению несовершенной и греховной человеческой природы. Основной текст стихотворения представляет нам символическое изображение этапов духовного преображения, необходимых для обретения пророческого дара. У человека сохраняются самые лучшие из его чувств, зрение и слух, необыкновенно обостренные волшебным прикосновением ангела. Но «грешный», «празднословный и лукавый» язык, но страстное, отзывчивое к суете, «трепетное» сердце несовместимы с миссией пророка. Их заменяют «жало мудрой змеи», «уголь, пылающий огнем». И собственной воли лишается человек. «Исполнишь волю мою», - вызывает к нему «Бога глас».

В поэтическом сюжете «Пророка» содержится объяснение и оправдание призыва финальной строки. В.Шукшин считал ее самой поэтической во всей русской литературе, не ощущая в красоте возвания угрозы человечности. Между тем это единственный исходящий от Пушкина призыв к насилию. Беспредельно чуткий к малейшим проявлениям несвободы, Пушкин все стихотворение выстраивает таким образом, чтобы эта последняя строка звучала естественно и не вызывала сопротивления. И в контексте стихотворения финальный призыв действительно не может вызвать внутреннего сопротивления даже у такого тонко чувствующего читателя, как Шукшин.

Так кто же может, имеет право «глаголом жечь сердца людей»? Тот, кто сам прошел через нечеловеческую боль, через божественное очищение мечом и огнем, кто вместо сердца носит в груди божественный огонь, кто не сохранил в себе ничего эгоистического и мелкого, кто не имеет собственной воли, донося до людей волю Бога. Формула «Глаголом жги сердца людей» - это и есть тот идеал, к которому должен стремиться поэт. Но к идеалу этому ведет путь, полностью перерождающий человека, делающий его носителем высших ценностей. Призвание пророка всегда видится Пушкину в ореоле святости. В стихотворении «Поэт и толпа» (1828) Пушкин сравнивает себя со жрецом, который осуществляет посредничество между людьми и Богом, а в стихотворении «Поэту» пишет об алтаре, где горит огонь вдохновения. Цель поэта — высокое духовное служенье народу — побуждает его подняться на те духовные высоты, с которых мир видится во всей его полноте, объемности и целостности, непосредственности и чистоте от субъективных побуждений.

«Лелеющая душу гуманность» (В. Г. Белинский) пушкинской поэзии проявляется в том, что поэт ставит себе в заслугу в стихотворении «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» (1836): «чувства добрые я лирой пробуждал», «в мой жестокий век восславил я свободу», «милость к падшим призывал». Отсюда гордое провозглашение собственного бессмертия. «Памятник нерукотворный» «выше» высот, доступных простым смертным. Идея бессмертия укладывается в формулу «весь я не умру», уточняющуюся посредством намеченного противопоставления души (и не просто души, а «души в заветной лире») и тленного тела:

...Душа в заветной лире

Мой прах переживет и тленья убежит.

Однако и чрезвычайно емкие пушкинские формулы человечности не исчерпывают того дара, который поэт оставил людям. Дар Пушкина — мир в его вселенском смысле, просветленный поэзией. Это позволило русскому писателю В. Одоевскому назвать Пушкина «солнцем русской поэзии», а русскому критику А. Григорьеву сказать «Пушкин — чаще все». Пушкин как «начало всех начал» (М. Горький) вбирает в себя все проявления человечности, которые развиваются русской художественной мыслью на протяжении уже двух столетий.

Н. В. Гоголь впервые писал о том, что в отличие от других поэтов, которые оставляют в своих произведениях отпечаток своей личности, Пушкин будто полностью преодолевает свою личность. Пушкин достигает высшей степени свободы, доступной человеку, — свободы от самого себя, что проявляется в несовпадении с самим собой, открытости миру и возможностям, заложенным как в личности, так и в ее окружении. Отсюда неисчерпаемость пушкинских образов и невозможность сказать о них последнее слово. Отсюда жизненность пушкинских творений.